Баллада о Сандре Эс

Автор:
Канни Мёллер

Баллада о Сандре Эс

Канни Мёллер

Где взять мудрость, чтобы не упустить любовь из-за недоразумения?

Стоит ли запретить себе думать о прошлом и жить дальше, словно ничего не было?

Насколько одному человеку позволено вторгаться в жизнь другого?

На долю некоторых людей выпадают удивительные вещи. Это история искренней привязанности, первой любви и необычной дружбы между 19-летней Сандрой, одинокой в незнакомом городе, и 80-летней Юдит, по своей воле потерявшей связь с прошлым. Когда они встречаются, жизнь обретает привкус смелости, и приходит понимание истинно важного: что в жизни главное, а что – вторично.

«Не прячься от жизни, Сандра! Тебе хватит сил посмотреть правде в глаза. Я это знаю».

Роман шведской писательницы Канни Мёллер «Баллада о Сандре Эс» стал победителем литературной премии им. Августа Стриндберга в номинации «Лучшая книга года для детей и юношества», а спустя несколько лет после выхода книги был экранизирован Генри Мейером.

Канни Мёллер

Баллада о Сандре Эс

Впервые опубликовано в издательстве Bonnier Carlsen Bokf?rlag, Stockholm, Sweden

Издание публикуется на русском языке с разрешения Bonnier Group Agency, Stockholm, Sweden и литературного агентства Banke, Goumen & Smirnova, Sweden

© Cannie M?ller, 1999

© Лидия Стародубцева, перевод на русский язык, 2013

© Livebook, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru (http://www.litres.ru/))

* * *

1. Психолог спрашивает: «Почему?»

Она спрашивает меня: «Почему?» Это она психолог, не я. Но спрашивает она меня: «Почему?»

– То есть – почему я это сделала?

– Именно. Тебе повезло, что рана неглубокая.

Мне все равно. Мне плевать, сколько ему придется лежать в больнице. Если я все время буду думать, что мне все равно, то избавлюсь от него. Пройдет какое-то время, и все будет так, словно я его никогда не встречала. Вот моя месть, Себ, – тебя не станет. Ни следа не останется.

2. Синяя палатка

Мокрый песок. Пустой берег. Синяя палатка. Два человека. Себ и я.

Чтобы забыть, нужно время. Чтобы забыть последнюю ночь, когда даже дождь не шел. И мы разглядывали созвездия, потому что облаков на небе не было.

– Это Возничий. Куда он нас повезет, Сандра?

Ты так сказал, хоть и знал, что поедешь один. Всю ночь я верила, что будущее – наше и весь мир – наш. Ты, Себ, заставил меня поверить, что на тебя можно положиться. Что я всегда буду лежать рядом с тобой, в твоей тени. Что наши тени в палатке сольются в одну.

Я забыла, что ты был Недостижимым. Как мне было понять, что ты можешь снова ускользнуть? Отстраниться, удалиться. Стать еще одним из Исчезнувших. Ты открыл дверь и вошел ко мне. Никто до тебя не заходил внутрь. Кажется, я всегда была готова к тому, что все может исчезнуть в любой момент. Но только не ты. Ты был настоящим. Ты был настоящей жизнью. Я ощущала поры твоей кожи, я не придумывала, не сочиняла. Ты был со мной, живой и настоящий. В синей палатке, которая протекала, когда шел дождь.

Только той, последней ночью дождя не было.

Он думает, что я сплю. Гладит меня по спине. По телу бегут мурашки, хочется обернуться и впиться в его губы, запустить пальцы в его волосы. Показать, что я не сплю, что я изголодалась по нему. Изголодалась. Но я лежу, не шевелюсь и жду, когда голод станет таким сильным, что больше не вытерпеть.

Я не собираюсь ревновать, хоть и слышала о тебе всякое, Себ. Это было раньше. А сейчас – это сейчас. И я хочу стать новым человеком. Я буду новой, тебе понравится. Тебе понравится любить меня.

Когда ты запускаешь пальцы в мои стриженые волосы, ум отключается, меня захлестывает волна желания, и соски твердеют. Мне хочется обвить тебя всем своим существом – так я и делаю. Обвиваю тебя, как змея. И ты смеешься, уткнувшись в мои волосы, так что они за мгновение вырастают на несколько миллиметров от твоего влажного дыхания, и так крепко обнимаешь меня, что я знаю: больше никогда не останусь одна. И тело выгибается дугой от желания. Ты моя половинка, я нужна тебе. Палатка растворяется в лунном свете, и Возничий уносит нас выше и выше, а потом все взрывается таким ослепительно белым светом, что нам приходится зажмуриться.

После мы дрожим, покрытые пленкой пота, как простыней, и ты вылезаешь из палатки и тащишь меня с собой к воде, которая стала еще холодней, чем прежде. Но внутри мы горячие, и ты держишь меня за руку, вода уже по бедра, уже скрывает наше тело, одно на двоих, и мы падаем, смеемся, плещемся, играем… Я даже не знала, что умею играть, раньше со мной никто не играл.

3. О чем ты не узнаешь

– Неужели ты ни с кем не играла, Сандра? – спрашиваешь ты, вынося меня на берег, как маленького ребенка.

– Не-ет, – и это абсолютная правда. В детстве я совсем не умела играть.

– Все дети умеют играть, – возражаешь ты. Так решительно, что меня разбирает смех.

– Ты думаешь, что всегда прав? – дразнюсь я, а сама думаю – ну и пусть. Ну и что, что ты не прав. Ты никогда не узнаешь, какой я была до того, как встретила тебя. Раньше я делала много такого, о чем теперь жалею, но сейчас это не имеет значения. Например, ты никогда не узнаешь, что я:

резала и царапала себе руки, когда злилась на себя за то, что совсем одна (глупо, правда?);

злилась, что я толстая, уродливая и одинокая, и еще думала, что раз меня никто не любит, то так мне и надо (меня и правда никто не любил);

иногда, если надоедало уродовать руки, морила себя голодом (и никому не хватало сил со мной возиться, такая я была невыносимая).

А однажды, когда мне было четырнадцать, я сбежала в Копенгаген, и моя приемная мамаша чуть с ума не сошла. (Хотя этим-то я горжусь. Села на поезд без билета, а когда появился кондуктор, спряталась в туалете. Классно придумала.)

Но обо всем этом ты никогда не узнаешь, я ни за что не расскажу. Потому что сейчас – это сейчас, и мне довольно того, что ты несешь меня на руках, хотя я тяжелая и мокрая, и вода с моих волос капает тебе на лицо, а ты ловишь ее языком. И я так рада, что ты глотаешь капли с моих прядей. Внутри мы горячие, а носы ледяные. Засыпаем, укрывшись твоей курткой.

Мы просыпаемся в согретой утренним солнцем палатке. Я рассматриваю твое лицо, хотя раньше не решалась. Вдруг я вижу тебя гораздо отчетливее, чем прежде, как будто всего в тебе больше, чем я думала. И мне нравится, что тебя так много. Кожа, волосы, глаза, руки – все большое, больше, чем мне казалось. Только шрам на подбородке такой же маленький, как и прежде. Может быть, ты упал, когда учился кататься на велосипеде? Или подрался? Или ударился, едва научившись ходить? Может быть, ты упал с лестницы, пошла кровь, мама сильно испугалась? Я трогаю белую ниточку шрама пальцем, но почти ничего не чувствую. У тебя такие темные, ровные брови. Как будто ты – мудрец, который знает все на свете. Но рот похож на мой. Можно даже перепутать. Наверное, скажи я, что у тебя мягкие-премягкие губы, а язык как мед, ты обидишься. Поэтому я тебя и не боюсь, хотя у тебя большое и сильное тело, все в черной шерсти. С тобой я верю, что что-то значу. Я есть. Я тоже есть. Тебе на лоб

садится муха. Пошла прочь! Я прогоняю муху, ты просыпаешься.

4. Наш третий утренний костер

Мы разводим костер, третье утро подряд, и тогда ты начинаешь говорить. Чай обжигает язык, и ты спокойно сообщаешь, что тебе надо на время уехать. Я поднимаю голову от кружки и спрашиваю, куда и надолго ли.

Ты прохладно улыбаешься и ничего не отвечаешь. Встаешь и говоришь, что пора собирать вещи и складывать палатку, что тебе надо спешить.

Я ничего не понимаю.

Тогда ты начинаешь объяснять медленно и отчетливо, чтобы дошло даже до такой дуры, как я. Ты будешь служить в армии. Год и два месяца. Ничего странного в этом нет. Конечно, это не обязательно и почти никто не служит, но ты гордишься тем, что тебя приняли. Ты поедешь на север, в Вестерботтен, потому что прошел отбор в егерские войска. То есть какое-то время тебя не будет – все это ты сообщаешь с таким видом, словно едешь на край света, где нет даже телефонных проводов. Я вижу, что ты обиделся. Ты ждал, что я буду в восторге. Настоящий мужик, прошел отбор в элитные войска! «В егерский полк берут только лучших». Но мне не хочется прыгать до потолка от радости. Я чувствую, что все это мне не по душе. Что ты собираешься уехать, ты уже приготовился исчезнуть насовсем. По тебе видно. «Было очень хорошо, просто здорово. Если подумать, то даже слишком. И на будущее – я не могу тебе ничего обещать».

Это я – слишком? Неужели я для тебя лишний груз, как камни в кармане? Я сижу на сыром песке и смотрю на полоску берега между соснами и морем.

– Я хочу служить Родине, – говоришь ты. Какие-то непонятные слова.

– Шутишь?

Ты сердишься, раздраженно бросаешь спиртовку в рюкзак.

Я говорю, что хочу поехать с тобой. Что я сама могу купить билет на поезд. Что я тоже могу переехать на север. Как бы в шутку. Чтобы заполнить жутковатую пустоту, которая возникла между нами.

– Я могу делать гамбургеры или убирать номера в какой-нибудь лесной гостинице, – с отчаянием добавляю я.

Ты что, не понимаешь, Себ? Нельзя все так взять и испортить! Нам нельзя терять друг друга!

– А может, и меня возьмут в егерский полк?

– Тебе нельзя туда, – отрезаешь ты и решительно направляешься к красной «хонде». – Пойми, Сандра.

– Не называй меня Сандрой! – я срываюсь на визг.

– Тебя разве не Сандрой зовут?

– Просто С. Эс.

– Ладно, Эс.

Ты кидаешь мне шлем. Я не ловлю его. Сажусь на землю и злобно смотрю прямо перед собой. Ты не подходишь ко мне, не обнимаешь. Только повторяешь, что надо спешить, что надо уезжать.

Мы едем в город, я сижу, обхватив тебя сзади и чувствуя тепло твоей кожаной куртки, хотя в лицо уже дует холодный осенний ветер. Я знаю: что-то заканчивается, едва успев начаться.

5. Ты удивлен?

Наверное, я должна была чувствовать себя избранной, раз оказалась с тобой в той дырявой палатке? Нет, тебе не только со мной надо было попрощаться. С той, другой, ты прощался на стройке.

Я видела вас. Она цеплялась за тебя и не хотела отпускать. А ты, наверное, чувствовал себя ужасно крутым. Вокруг полосатая строительная пленка, как конфетная обертка. А вы карамельки. Липкая начинка лезет наружу, небо нависает серыми облаками.

Интересно, ты увидел меня до того, как я закричала? Удивился? Не помню, кричала ли я какие-то слова или просто вопила. А ты помнишь? Может быть, я выла, как бешеный зверь? А ты ничего лучше не придумал, чем послать меня домой. Как собаку:

– Сандра, домой!

На стройке всегда найдется кирпич или еще что-нибудь острое.

Ты удивился? Наверное, ты не думал, что я такая меткая? Или вообще не успел ничего подумать? А потом уже было поздно. Скоро я тебя забуду. Холодную воду, синюю палатку и песок буду помнить, а тебя нет. Я была там… с кем-то. С кем угодно. Какая разница, с кем.

Не надо цепляться за мелочи, как говорит моя приемная мама. От этого одно расстройство.

6. Скажи спасибо

«Скажи спасибо, что на тебя не завели дело», – сказала психолог. Директор школы и София благодарны, по ним видно. А мне все равно.

– Себ не хочет писать заявление в полицию, – уточняет психолог и выжидающе смотрит на меня. – Так что последствий для тебя, Сандра, не будет.

– Значит, в тюрьму меня не посадят? – иронизирую я. Вопросительные взгляды пронзают воздух, как стрелы.

За окном толпятся мои одноклассники. Выпускной курс, специальность «Медицинский уход». Все знают, что произошло: я пыталась убить Себа Фарука, я ненормальная, мне нужна смирительная рубашка, у меня что-то не в порядке с головой. Пора мне бросать этот «Медицинский уход».

По дороге домой мы с Софией проходим мимо дома, где живет Себ с родителями. Мы идем быстро. Я смотрю прямо перед собой, хотя он все еще лежит в больнице. Но София говорит, что ей не хотелось бы встречаться с его родителями. Мне-то все равно. Зря София беспокоится: в них я кирпичи кидать не стану.

София помогает мне собирать вещи. Старается спрятать слезы, но я-то вижу.

– Все будет хорошо, – утешаю я. – Со мной, наверное, нелегко было, но теперь все наладится.

Она смотрит на меня, приоткрыв рот, как будто хочет что-то сказать, но вдруг убегает в ванную и запирается на замок. Из-за двери доносятся всхлипывания. Бедная София. Но если я сейчас к ней подойду, то пиши пропало. Надо действовать по плану. Я складываю оставшиеся вещи в рюкзак. Пусть она плачет, а я не буду.

Я собрала волю в кулак, теперь у меня стальные нервы. Один раз расслабилась, размякла – в палатке на берегу – и чуть не пропала. Больше никогда в жизни ни перед кем не буду так раскрываться. Показывать человеку, что любишь – опасно, только я не сразу это поняла. Если любишь человека слишком сильно, то всё – ты в его власти. С мамой тоже так было, наверное. Она знала, что я слишком сильно ее люблю – все дети любят своих мам слишком сильно. Если бы она сомневалась, если бы не была уверена в этом, тогда, наверное, не бросила бы меня.

Больше не буду о ней думать. Она того не стоит. Ненавижу всех предателей!

София выходит из ванной. Глаза красные и мокрые. Я подхожу к ней, обнимаю. Коротко. Она понимает почему.

Пора идти на автобус.

7. Междугородный автобус

Стучу головой о спинку кресла, коротко, сильно, раз за разом. Водитель автобуса, идущего из Соллефтео в Стокгольм, наблюдает за мной в зеркало заднего вида. Что я вижу? Что на вокзальных часах 22:02. Осталось три минуты. За три минуты можно передумать, если захотеть. Но я не собираюсь ничего менять. София ушла: я не хотела, чтобы она стояла здесь и ждала. Она мерзла, ее тянуло домой, где тепло и телевизор, – пусть идет, раз уж ничего нельзя изменить. Один раз она обернулась и помахала, а потом исчезла за углом, и я выдохнула. До этого боялась, что передумаю и никуда не поеду. Что стану вести себя как тогда, в детстве, когда она взяла меня к себе. Мне было девять, я висла у нее на шее и заставляла повторять, что она никогда, никогда меня не бросит. Она даже в туалет не могла спокойно сходить, я везде хотела быть с ней. Но теперь она снова свободна. Я взрослая, могу жить одна. И я это докажу. Хотя взгляд все равно скользит по площади за окном. Может быть, кто-нибудь еще пришел со мной попрощаться?

Удары затылка о спинку кресла: тук, тук, тук. Я выстукиваю секунды, одну за другой. Все, время вышло, обратного пути нет.

Автобус едет в ночи. Усталость сменилась странным возбуждением. Вот, оказывается, каков мой путь к свободе. В багажнике автобуса лежат наспех собранные вещи. Немного одежды, несколько книг. «Тебе там много не нужно, правда? – сказала София. – Ты будешь часто приезжать, да?» Я не стала возражать. Зачем ее расстраивать.

Завтра первый рабочий день. С восьми утра. Временная работа в доме престарелых. Для таких дряхлых стариков, которым приходящий соцработник уже не поможет. Работу нашли на удивление быстро. Все сошлись во мнении, что меня надо отправить подальше, проявив необычайное единодушие.

Не могу оторвать взгляда от разделительной полосы, хотя меня тошнит от ее вида. Пытаюсь думать, но перед глазами только эта белая линия. Как будто я стараюсь удержать равновесие, чтобы не упасть. «Ты только подумай, вдруг Себ никогда не поправится до конца?» Да пусть у него хоть до старости голова болит. Зато будет помнить, даже если очень постарается забыть. То, что произошло на стройке, смахивало на фильм, очень даже неплохой. Примерно так:

8. «Месть Сандры»

Черный экран, Ник Кейв поет свои «Баллады про убийства»[1 - Nick Cave “Murder Ballads”. – Примеч. перев.].

Get down, get down, little Henry Lee, and stay all night with me! You won’t find a girl in this damn world, that will compare with me…

Потом становится видно, что черное – это вечерняя темнота. Холодно. На земле изморозь. Под ногами хрустят мерзлые листья. Стройка. Скоро тут будут виллы с гаражами и качелями, но пока – только шаткие штабеля и кучи стройматериалов. Защитная пленка трепещет на ветру.

And the wind did howl and the wind did blow…

Большие полосатые тюки с материалом для изоляции стен. Парень и девушка в черной кожаной одежде лежат на полосатой пластиковой пленке, которая противно шелестит от их движений. Вдруг парень поднимает голову и смотрит прямо в объектив. Он орет:

– Пошла вон! Проваливай!

И тогда в него летит кирпич, парень даже не успевает ничего сообразить. В следующее мгновение он стоит на коленях на земле, спрятав лицо в ладонях. Сквозь пальцы сочится кровь. Девчонка бросается к объективу, сжав кулаки, и колотит того, кто бросил кирпич. То есть меня, Сандру. Кулаки барабанят по моей кожаной куртке.

Потом крупный план: удивленное лицо Себа.

And the wind did roar and the wind did moan…

Продолжение такое: я даю девчонке пощечину, чтобы она пришла в себя.

– Вызывай лучше «скорую», – спокойно говорю ей, кивая в сторону Себа, который лежит на земле в пяти метрах от нас.

Come take him by his lily-white hands, come take him by his feet!

– Или, может, я позвоню?

Девчонка всхлипывает и ежится, потом идет к Себу, но слишком медленно и шатко. Я успеваю первой. Сажусь на корточки рядом с ним, быстро вытаскиваю его мобильный – мне, конечно, хорошо известно, в каком кармане он лежит. Задеваю ремень, звякает связка ключей на цепочке. Выступ бедренной кости под моей ладонью – крупный план – голая кожа на пояснице. Тепло. Девчонка, наконец, добирается до Себа и отталкивает меня. Мобильный вылетает из моей руки, скользит по мерзлой земле. Прочь, в темноту.

And the wind did roar and the wind did moan…

Я иду, не медленно, но и не быстро. Собранно и с достоинством, как и положено главной героине в кино. Меня поглощает мрак. Себ смотрит мне вслед, трет глаза, пытаясь разглядеть меня в темноте: он только что понял, кого из нас

любит. И что теряет именно ту, которую любит. А все потому, что был таким идиотом. И еще потому, что Сандра обид не прощает. Та, другая, шарит в темноте, никак не найдет мобильный Себа.

Всхлипывает. Плачет. Как маленькая. Вот дура.

В фильме все должно быть лучше, чем в настоящей жизни. В реальности, когда бросаешь в человека кирпич и видишь, как он падает и течет кровь, становится страшно.

Кажется, я бежала до самого дома. Или нет? Мне вроде было холодно, тошнило. Не думай, Себ, что той ночью пролилась только твоя кровь. Я заперлась в туалете и стала кромсать себе руки.

Почему? Просто потому, что не могла удержаться.

И перестать колотиться головой о спинку автобусного кресла тоже не могу. Бумажный подголовник шуршит. Водитель таращится в зеркало заднего вида, но мне все равно. Сколько времени нужно, чтобы забыть тебя, Себ? Те дни и ночи, которые мы провели в дырявой палатке – их уже нет? Если один из нас все забыл, то, может быть, ничего вообще не было? Чем настоящая жизнь отличается от сна или мечты? Множеством мелких деталей: прикосновением ледяной воды, теплом внутри спального мешка, пусть и мокрого. Кисловатым запахом сырых дров, которые все же разгорелись. Гранью между лунным сиянием, пронзавшим ткань палатки, и рассветом, осторожно сочившимся внутрь. Ты не мог этого забыть.

9. Утро, Стокгольм

Автобус подъезжает к вокзалу еще до рассвета. Я не замечаю, как остальные пассажиры достают сумки с верхних полок, готовятся к прибытию. Я глубоко сплю, в животе комок пустоты. Просыпаюсь, когда кто-то задевает меня сумкой.

Мерзну, как бывает в автобусе после долгой ночной дороги. Взъерошиваю недавно остриженные волосы. Пытаюсь облизать пересохшие губы, но слюны не хватает. И гигиеническая помада закончилась. Я натягиваю куртку, беру рюкзак и выхожу из автобуса вслед за всеми.

В пути я не обращала внимания на других пассажиров, даже не заметила, что почти все места в автобусе были заняты. Теперь все собрались у багажника и боятся, что именно их чемодана или сумки не окажется на месте.

Сутулятся, ежатся от ветра на фоне мокрого, серого утра.

Водитель ставит мою коричневую сумку на тротуар. Глядит на меня. Я вызывающе смотрю в ответ. Потом натянуто улыбаюсь, надеясь, что выйдет мило. Как будто это не я, а кто-то другой. Настоящая Эс не может мило улыбаться таким промозглым утром. У водителя растерянный вид.

Я с облегчением запихиваю сумку в камеру хранения на вокзале. Откуда-то пахнет кофе, я пробираюсь сквозь толпу людей, спешащих к метро. Уже без четверти восемь. Старичок в перчатках без пальцев невыносимо фальшиво играет на аккордеоне. Денег ему никто не бросает, а он знай наяривает – все громче, все фальшивей. Инвалид в коляске бормочет, как робот: «Лотерейные билетики, лотерейные билетики».

В четверть девятого я перехожу улицу и нахожу нужный адрес.

10. Дом престарелых с медицинским уходом.

Тщедушная старушка с ходунками перегораживает вход в лифт и на лестницу. Раздраженно толкая перед собой ходунки, она пытается удержать дверь лифта. Я протискиваюсь вперед и придерживаю перед ней дверь, она смотрит на меня с детской улыбкой, словно с конфетной обертки.

– Спасибо тебе, девочка! Меня зовут Агнес. Агнес Ларсон.

Пока мы едем в лифте, она бодро расспрашивает меня, кто я такая и что делаю в этом доме.

Мое появление в доме престарелых с медицинским уходом не проходит незамеченным. Агнес представляет меня всем и каждому с таким воодушевлением, что ее тоненький голос то и дело срывается на фальцет. Старухи тянут морщинистые шеи, как ящерицы, некоторые даже пытаются потрогать меня.

– У тебя такая куртка – это потому что ты ездишь на мотоцикле? Что говоришь, Агнес? Она с самого севера?! Господи ты боже мой! Ты же, наверное, совсем устала!

Я стараюсь спрятаться от их жадно любопытных взглядов. Чувствую себя бессловесной зверушкой, которую выставили напоказ.

– Может быть, она буйная? – шепчет себе под нос сухонькая старушка, стоящая в углу. – А то зачем ей такой ошейник, как на собаке?

Я могла бы его снять. Хотя пусть боятся, меньше будут трогать своими жилистыми руками, мять, как кусок ткани на распродаже.

Мне хочется сбежать от этого сборища шамкающих ртов, сухих губ. Спуститься вниз на лифте и больше никогда не возвращаться.

Но на пути стоит женщина в светло-желтом халате, так что сбежать я не могу.

– Хорошо, что ты быстро нашла дорогу! – Женщина берет меня за руку и ведет к застекленному кабинету. На черной табличке белые буквы «Приемная». Каждый вдох кажется смертельно опасным.

– Мари Ульсон, – представляется заведующая, пока я разглядываю ее безупречно выщипанные брови.

– А ты Сандра?

Мне ничего не остается, кроме как кивнуть и присесть на стул. Желтый халат Мари выгодно оттеняет розовый румянец, глаза блестят, и вся она кажется свежевымытой. Сама я, наверное, заспанная и бледная. Язык наждачной бумагой трется о нёбо. Мари выжидающе смотрит на меня. Теперь моя очередь что-нибудь сказать.

– Ты только что приехала?

Я киваю, и мне кажется, что ее совсем не беспокоит моя усталость.

– Наверное, и позавтракать не успела?

– Я реши ла, что лучше вовремя прийти…

Мари дружелюбно улыбается и предлагает выпить кофе в комнате отдыха.

– Кажется, у нас там есть хлеб. И сыр. Если не засох, конечно.

Старичье впилось в нас взглядами и не собирается отпускать.

– Ну, сейчас ее научат уму-разуму, – шипит старушечий голос.

– У Мари все по струнке ходят, – кивает соседка.

Наконец мы садимся пить кофе.

Остаток дня я провожу, ничего толком не понимая. Стараюсь не выходить из бельевой, где мне поручили считать простыни и полотенца.

Стоит выйти в коридор, как старики сверлят меня любопытными взглядами, стараясь проникнуть в каждую складку и щелку. Они изголодались по жизни, по живым запахам.

Вампиры, почуявшие свежую кровь.

11. Комнатка с кухней и душевой

В пять вечера я забираю чемодан из камеры хранения и спускаюсь в метро. Выхожу где-то на севере города. Станции почти не видно из-за лесов и строительных материалов.

Я стараюсь не смотреть на груды каменной плитки, которой запросто можно расшибить кому-нибудь голову, если получше прицелиться. Делаю глубокий вдох.

Дом, в котором мне предстоит жить, весь в строительных лесах. Я протискиваюсь к двери подъезда, чувствуя, как накатывает тошнота. Ну почему везде, где я ни окажусь, сплошная стройка?

Рядом со входом пыхтит бетономешалка. Никому, конечно, и в голову не приходит, что внутри может быть спрятан труп. Нет, в бетономешалке – только бетон и больше ничего.

На коврике под дверью скопился целый ворох рекламы. Мне повезло: удалось снять жилье, хотя времени было в обрез. «Веди себя хорошо и следи за квартирой. Люди за тебя поручились – смотри, не подведи. Сказали, что Сандра Нильсон, девятнадцати лет от роду, в общем и целом порядочная девушка – вот и будь порядочной».

Я обхожу квартиру – если так можно сказать о комнате с кухонным закутком и душевой. Включаю свет, трижды спускаю воду в туалете для проверки. Крыс тут нет, змей – тоже. Проверяю плиту, открываю окно. Падаю на кровать: матрас совсем не пружинит. Занавеска в душевой висит на одном крючке – надо приладить получше, пока совсем не упала. А то нечем прикрыть плесень в углу.

Я разбираю вещи, застилаю кровать, устраиваюсь в новом доме.

12. Independence Day[2 - День независимости. – Англ.]

– Привет, София! Говори громче, не слышно. Нет, я не в квартире, я в городе. Поесть собралась. Да, с одной… коллегой. Симпатичная девчонка, тоже с севера. Из Умео. Не могу больше говорить, нам пора. Ага… Она город знает. Услышимся. Все, деньги на карточке заканчиваются. Обнимаю.

Я быстро кладу трубку, пока София не начала расспросы. Я свой долг выполнила: позвонила, успокоила. А она, конечно, весь вечер будет думать, что это за коллега с севера.

Домой я поеду не скоро. Может быть, на Рождество.

Шагая по слякоти на улице Кунгсгатан, я вдруг чувствую, что ужасно проголодалась. Покупая гамбургер, вспоминаю голубцы, которые готовит София. В кафе куча народу, и я выхожу на улицу, чтобы спокойно поесть. Заглядываю в окна ресторанов – какой выбрать? Где отметить свой «день независимости»? Везде полно народу, очереди. Не понимаю, почему – вроде будний день. На севере в такой час все сидят по домам.

Вдруг передо мной вырастает спина: черная кожаная куртка, темные волосы. Внутри все сжимается: хочется броситься к нему, обнять, запустить руки под куртку. Мысли путаются: а вдруг невозможное возможно… Парень переходит улицу, и я вижу его профиль: нет, невозможное по-прежнему невозможно. И походка не как у Себа. В голове звучит злобный голос: ты же собиралась его уничтожить, разве нет? А сама пялишься на парня только потому, что со спины похож на него! Возьми-ка себя в руки, Эс.

Останавливаюсь перед запотевшим окном: в тесноте ресторана снуют люди, как рыбы в аквариуме. Примет ли косяк рыб и меня? Или придется забиться в угол и глядеть оттуда несчастным мальком? Стук в окно. Два парня, протерев запотевшее стекло, жестами зовут меня войти. Я чувствую, что краснею, и уже делаю шаг к входной двери, как вдруг замечаю, что парни смеются. Гогочут во всю глотку, так что пиво чуть не плещет через край. Я тут же поворачиваю и шагаю прочь. Скорее прочь отсюда, от этих сальных взглядов.

В метро я спускаюсь почти бегом, но кто-то все же успевает схватить меня и не отпускает.

– Красотка… Пойдем-ка со мной… – сипит вонючая пасть.

Вырываясь из цепких лап, я вижу лицо – нет, красную ухмыляющуюся рожу. Но меткий удар коленом в пах стирает ухмылку. Из красной рожа превращается в малиновую, и парень опускается на ступеньки. Я бегу к перрону, а он кричит мне вслед: «Сука! Грязная сука!»

Надеюсь, ему по-настоящему нестерпимо больно, так что он будет сидеть на ступеньках, пока я не уеду.

Меня тошнит. Я падаю на зеленое клеенчатое сиденье в вагоне и сижу, глядя на проносящиеся мимо станции. Чем дальше, тем лучше. Все-таки я поставила этого урода на место. Попадись мне еще раз!

В животе какая-то ноющая пустота. Одиночество. То, что не приятно – мучительно. То, что мучительно – позорно. Позор тебе, Сандра Эс. Позор мне.

Выхожу из вагона и вижу телефон-автомат. Красный металлический корпус так и светится. Это же знак: позвони, позвони, он только и ждет, когда ты позвонишь… Скоро он наденет солдатскую форму, и тогда ищи-свищи, но пока он дома и ждет твоего звонка. Именно твоего, Эс! Ту, другую, он уже забыл. Ведь он не может позвонить тебе сам – у тебя нет телефона, а он знает лишь, что ты уехала в Стокгольм, больше ничего. И где ему тебя искать?

На телефонной карточке восемь единиц. Ладно, попытка – не пытка.

Отвечает мама Себа.

– Нет, его нет дома. Попросить его перезвонить?

Я кладу трубку. Не знаю, мучительно это или позорно. Надеюсь, она не поняла, что звонила маньячка – метательница кирпичей.

Черт, Себ, мне так нужен твой голос, прямо сейчас. Восемь единиц на карточке. Та синяя палатка и все, что в ней было, – это не повторится. Земля вращалась так быстро, что встречный ветер задувал под брезент. Вот о чем ты будешь рассказывать своим внукам через много лет!

Фонари у подъезда не работают, в окнах тоже нет света. Остановившись у входа, я читаю имена жильцов на табличке – просто чтобы почувствовать, что тут тоже кто-то живет. Только ложатся они, наверное, рано. Или все уехали, и я буду одна в этом огромном доме? Нет, не может быть. Они просто спят и видят сны в ожидании нового дня. Новой, лучшей жизни.

Приняв теплый душ за хлипкой занавеской, я забираюсь в постель и закрываю глаза. Будильник зазвонит в семь: цифры светятся в темноте, словно красные глаза. Маленькие миленькие вампирские глазки.

Забыла задернуть шторы. Ну и ладно, третий этаж все-таки. Кто сюда будет заглядывать? Только Большая Медведица среди туч.

13. Следующее утро. Юдит Кляйн

Застегивая желтый форменный халат, я замечаю какое-то беспокойство в столовой. Старики о чем-то оживленно говорят, приподнимаясь и указывая пальцем на высокую худую женщину, которая твердой поступью шагает по коридору. Она одета в бордовый халат, белоснежные короткие волосы зачесаны назад. Рядом с ней остальные старики похожи на мокрых куриц. Но Мари не пускает эту даму в столовую.

– Только с ней одной и бывают неприятности, – поясняет Мари. – Комната номер пять.

– А почему ей нельзя завтракать вместе со всеми?

– Конечно, можно! Однако мы решили – общим голосованием, демократически, – что в столовую можно приходить только переодевшись. Так всем приятнее и уютнее. А кто устал и не хочет переодеваться, может попросить принести завтрак в комнату. Что мы с тобой сейчас и сделаем. Заодно познакомишься.

Я собираю завтрак под руководством Мари.

– Ей нужен чай, тосты и сок. Больше ничего. Хлеб не пересуши – за этим она строго следит. Осторожно! Поменьше масла!

– Все-то нянчатся с этой Юдит! – завистливо сопит Агнес. – Как будто она какая-то особенная!

Я несу поднос в комнату номер пять. Сок немного расплескался, чай успел остыть.

Юдит Кляйн лежит на кровати спиной к нам, уставившись в серую стенку. Мари сообщает, что мы принесли завтрак и что она хочет представить новую сотрудницу по имени Сандра Нильсон, но Юдит Кляйн не реагирует. Мы ждем, но она так и не оборачивается. Мари жестом велит мне поставить поднос на прикроватный столик.

– Приятного аппетита! – произносит она, обращаясь к угрюмой спине.

Как только мы оказываемся в коридоре, Мари поясняет:

– С ней такое бывает. Зайди чуть позже – может быть, настроение исправится. Юдит бывает очень милой и веселой. Правда, последнее время она все больше лежит в кровати и дуется.

Я пью кофе, мирно беседуя со стариками в столовой. Мне предлагают самые разные услуги – от массажа ступней до химической завивки. Старушка по имени Вера, бывшая швея, уверяет, что именно этот оттенок – желтый, как вот у этого халата, – идет мне больше всего.

– Подходит к цвету волос и глаз.

– А мне кажется, она в нем бледная! – пищит Агнес. – Ей к лицу красный, он бодрит! И волосы – надо выкрасить в рыжий. Черный к месту на похоронах.

Допив кофе, я иду к Юдит Кляйн, чтобы забрать поднос.

Она сидит на кровати. Увидев меня, со стуком ставит чашку на стол. Карие глаза внимательно изучают меня.

– И кто ты такая?

– Сандра Нильсон, – говорю я, протягивая руку.

Старуха делает вид, что не заметила моего жеста. Она смотрит в окно, как будто ждет важного гостя, который вот-вот влетит в комнату и сядет на подоконник.

– Можно забрать поднос?

Не дождавшись ответа, я тянусь к столику, и тут она хватает меня за руку и крепко сжимает запястье.

– Забрать, значит, хочешь?.. – спрашивает она, вперив в меня взгляд, но через пару секунд отпускает руку и равнодушно произносит: – Конечно, забирай. Пожалуйста.

– Если вы закончили завтрак. А то я могу подождать.

– Неужели. Я думала, в этом заведении все ужасно спешат.

– Я не знаю. Я новенькая.

– Тогда тебе многому предстоит научиться.

И вдруг поднос оказывается на полу, а чай и сок стекают по складкам моего халата. И непонятно, я уронила поднос или Юдит Кляйн столкнула его со стола. Вот вредная бабка!

Я наклоняюсь, чтобы собрать осколки. Она дергает мой кожаный ошейник:

– У тебя есть собака?

И она еще смеется, ведьма! Смех наглый, с хрипотцой. Побледнев от гнева, я поднимаю поднос.

– Ошейник-то для собаки?

Вырвав кожаную полоску у нее из рук, я быстро покидаю комнату. Ноги моей здесь больше не будет.

14. Глупые мечты метательницы кирпичей

В этом городе почти всегда туманно и серо. День идет за днем, и ни конца им, ни края. Я уж и забыла, как давно здесь живу. За окном – строительные леса и рабочие. Они молча смотрят на меня, я – на них. Кроме нас, во всем доме никого. Жалюзи я опускаю не всегда, даже после душа. Мне плевать.

София рассказала по телефону, что Себ уехал. Они случайно встретились на улице, он передавал привет. Сказал, что завтра едет в Арвидсъяр служить в егерских войсках. Если выдержит, конечно. Там все-таки одна из самых крутых военных школ Швеции (это я прочла в энциклопедии в кабинете Мари). Не все, наверное, доучиваются до конца. Хотя в Себе я не сомневаюсь.

Я сказала Софии, что и слышать о нем не хочу. Хотя вообще-то обрадовалась, когда она сказала, что у него был грустный вид. Я бы его утешила, приласкала… гладила бы маленький шрам на подбородке и большую рану на лбу… ох, как я тебя обнимала бы, Себ… между соснами и морем…

– Он все еще носит повязку, – сказала София. По ее голосу нельзя было понять, что она думает.

Да пусть хоть всю жизнь носит! Пока на лбу повязка, он меня не забудет.

Мой новый дом стоит недалеко от берега, и по ночам, лежа в постели, я думаю о Себе и вспоминаю ночь в палатке у моря. Вообще-то я совсем не хочу о нем думать, это бесполезно. Но все-таки. Все-таки если бы мы успели узнать друг друга получше… Тогда я не бросила бы тот кирпич. И ничего, если бы ты даже

отправился на Северный полюс, мы все равно были бы вместе. Мы что-нибудь придумали бы. Ты находил бы возможность позвонить, ухитрялся бы всеми правдами и неправдами. Находил бы телефоны в пещерах и заброшенных избушках. Звонил бы в самые неожиданные моменты. Я видела такое в кино.

Мы замирали бы от счастья, услышав голос в телефонной трубке.

Мы знали бы, что каждый прожитый день приближает момент встречи.

А потом мы отправились бы в кругосветное путешествие на твоей красной «хонде», чтобы в конце концов найти место, которое стало бы только нашим. Морской берег, корявые корни сосен в песке. Но среди корней нашлось бы ровное место, чтобы поставить палатку.

После таких дурацких грез я всегда просыпаюсь злой. Быстро принимаю душ, натягиваю одежду, бегу в метро с такой скоростью, будто за мной гонятся. А гонятся за мной эти нелепые, глупые детские мечты.

Работа однообразная – знай себе приноси и уноси посуду, заправляй постели, переговариваясь со стариками. В комнату номер пять я не захожу, стараюсь держаться подальше от этой ведьмы Кляйн. А она уже четыре дня не встает с постели, хотя со здоровьем у нее все в порядке. Мари говорит, что Кляйн выражает протест. Протестует она против всего, а главным образом – против того, как с ней обошлась жизнь.

15. Кровать в комнате номер пять

Я подняла Юдит с постели и перетащила в кресло у окна. Пришлось немало побороться: мы обе запыхались, а она вдобавок расцарапала мне руки.

– Вы что, не понимаете, что я не могу сменить белье, пока вы не встали? – говорю я, потирая царапины.

– Тебе надо прививку от столбняка.

Она издевается! Вот нахалка. Повернувшись к ней спиной, я сдергиваю белье с постели. И почему мы должны стелить чистые простыни таким, как она? Может быть, если оставить ее зарастать грязью, она одумается?

Вдруг старухина фигура вырастает рядом со мной – я аж вздрагиваю от неожиданности! Она тянет простыню на себя, разглаживая морщинки на ткани.

– Так-то. Теперь гладко, – говорит она, уже снова сидя в кресле – надо же, какая шустрая. – Застилай, застилай!

– Да вы просто всех обманули, да? Вы можете жить одна и сама за собой ухаживать, так ведь? Сил у вас – хоть отбавляй!

– Ты скоро? У меня спина ноет в этом кресле.

Заправив постель, я ухожу. Пусть сама ложится, помощь ей не нужна. Других она обдурила, а меня – не выйдет.

16. Напряженные плечи

Я сердито гремлю тарелками и чашками, ставя их в посудомоечную машину, и вдруг чувствую дыхание у себя за спиной. Обернувшись, вижу Юдит Кляйн, которая протягивает мне тарелку. Онемев от удивления, я беру ее и ставлю в машину, а Юдит тем временем споласкивает еще одну и снова протягивает мне. Тарелку за тарелкой, чашку за чашкой. Молча.

– Ты могла бы зайти ко мне на минутку? Ну, когда доделаешь свои дела… Если у тебя есть… – Юдит Кляйн умолкает, вытирая худые руки о халат. Бледные руки с набухшими голубыми венами. Поворачивается и уходит.

Почему я боюсь войти к ней в комнату? Чего мне бояться? Что эта пенсионерка захватит меня в плен? Привяжет к батарее пояском от халата и станет избивать зубной щеткой?

Юдит сидит у открытого окна спиной ко мне.

– Наверное, я тебя обидела? – произносит она, не оборачиваясь и все же как будто точно зная, где я стою.

– Ничего, у меня по утрам тоже настроение никудышное, – отвечаю я.

– Мы тут всяких видали, – смеется Юдит. – Помоги мне надеть тапки.

– А вы не боитесь, что я их украду? Раз уж вы тут всяких видали, – передразниваю я.

Юдит Кляйн с улыбкой вытягивает ступни, на которых болтаются тапки. Я наклоняюсь, чтобы помочь надеть их как следует, и вдруг она вцепляется мне в волосы.

– Зачем ты их красишь?

– Отпустите! Вы с ума сошли, да?

Юдит ослабляет хватку, я в бешенстве поднимаюсь, провожу рукой по голове – кожа ноет от боли.

– Имейте-ка в виду – руками не трогать!

– Тебе что, не нравятся твои собственные волосы?

– Я крашу волосы в черный цвет, потому что мне хочется черные волосы. Понятно?

Юдит задумчиво кивает.

– А на следующей неделе мне, может быть, захочется красные. Или зеленые, – продолжаю я.

– Послушай… у меня так болят плечи, – Юдит вдруг заглядывает мне в глаза с неожиданно смиренным видом. Деваться некуда. Я нехотя принимаюсь массировать ее плечи – осторожно, хотя больше всего мне хотелось бы ущипнуть ее морщинистую кожу.

Юдит жмурится от удовольствия.

– А можешь помочь мне покрасить волосы? В черный цвет, у меня такие раньше были.

– Нет. Если краска попадет в глаза, вы можете ослепнуть.

Что она себе вообразила? Что я бюро добрых услуг?

– Ах вот как. Но ты-то не ослепла?

– Пока нет. Ну, достаточно, – я опускаю руки.

– Еще немного, ну пожалуйста!

Придется еще помять ее. На этот раз я спешу, массирую кое-как. Но Юдит, кажется, все равно приятно.

– У тебя одной и есть сила в руках! Мари только и знает, что щипаться, а у Бритты, бедняги, руки дрожат. Может быть, тебе заняться массажем? В будущем? – предлагает Юдит, взяв меня за руки с таким видом, будто сделала важное открытие.

– Не знаю… Массажем? Мутное какое-то дело.

– Брось. Чего только люди не придумают. Здесь-то ты не задержишься?

– Несколько месяцев поработаю.

– Почему ты здесь? Что ты тут забыла?

– Ничего. Просто работаю.

Юдит с сомнением разглядывает меня.

– Чепуха на постном масле. Ну что ж, игра не задалась. Каков вопрос, таков ответ.

– А можно и вообще не играть. Можно просто молчать.

– Хотя, согласись, это довольно скучно. Кое с кем можно и поговорить.

– Кое с кем?

– Ты же от чего-то бежишь, Сандра. Правда?

Ну вот, начались расспросы, – думаю я, прикусив губу. Пора сваливать. Если старухе нужны интересные истории, пусть почитает книжку. Я могу принести из библиотеки.

Но Юдит молчит и смотрит на меня, а потом гладит по руке.

– Храни свои тайны. Люди охочи до чужих историй. А я придумала, что мы сегодня сделаем!

Я с удивлением смотрю, как она резво сбрасывает халат и начинает одеваться.

– Ты города не знаешь, так?

– Не очень-то.

– Тогда пойди и спроси Мари, можно ли нам с тобой прогуляться, – говорит Юдит и тут же добавляет самым решительным тоном, как будто испугавшись, что я стану возражать: – Скажи, что мне просто необходимо прогуляться – именно

сегодня. Иначе я закачу скандал. Она знает, о чем я.

17. Улица Вестерлонггатан

Вот уж не ожидала такого от старушки! Сначала валялась, как мешок с сеном, а теперь шагает так бодро и ловко, что я вот-вот потеряю ее из виду. Наконец-то, остановилась – у витрины магазина на улице Вестерлонггатан. Старомодные шляпы, золотые буквы «МОДА» на черном фоне. Вся лавочка – словно памятник ушедшим временам.

– Такое, наверное, уже никто не покупает?

– Пойдем! – Юдит целеустремленно распахивает дверь магазина.

Навстречу нам из полумрака выходит пожилая дама в черном платье.

– Мы хотели бы взглянуть на ту вишневую, с витрины, – решительно заявляет Юдит. Хозяйка магазина ковыляет к витрине и достает шляпу. – Это для юной дамы!

Я немею от изумления и не успеваю даже пикнуть, как вишневая шляпа оказывается у меня на голове. Юдит тут как тут: поправляет, загибает поля, сдвигает шляпу назад и вперед.

– Красиво! – нахваливает она.

Хозяйка магазина восхищенно кивает:

– Нечасто к нам заходит молодежь!

– Да и шляпу такой хорошей работы нечасто увидишь, – продолжает нахваливать Юдит. – Хотя моей внучке больше к лицу синий…

– Увы… Впрочем, я, конечно, могла бы изготовить и синюю… – задумчиво произносит старуха.

– И сколько времени вам понадобится?

– Две недели… или, может быть, десять дней…

– Жаль. Таким временем мы не располагаем. Но в любом случае – благодарю!

Старая шляпница разочарованно смотрит нам вслед.

– Барахло! – сердито заявляет Юдит, как только мы оказываемся на улице. – Ты поля пощупала? Слишком мягкие. Прослойки надо класть как следует – иначе шляпа до первого дождя…

Юдит заранее выбрала кафе и теперь с восторгом заказывает ванильные пирожные. Мы садимся за столик у окна, которое выходит на улицу: там мужички в шапках-ушанках вешают зеленые гирлянды, увитые красными лентами.

– Все нынче куда-то спешат, – замечает Юдит. – Рождественские украшения в ноябре. Ты почуяла запах в том магазине? Не тот, что теперь.

– Ну, пылью пахло. Трудно дышать.

– Тканью. Кофе и деревом – шкафы деревянные и сундуки, полные лент и тесьмы…

– Расскажите!

– О чем?

– О себе.

– А ты? Так и будешь молчать, как рыба?

Хорошо, что другие люди не умеют так сверлить взглядом. Я снова принимаюсь грызть ногти.

– Прости, – говорит Юдит и набрасывается на ванильное пирожное. – О, я и не думала, что здесь до сих пор делают такой вкусный ванильный крем! Попробуй только!

Юдит жует зажмурившись, а я тем временем разглядываю ее лицо. В эту минуту кажется, что ей не больше шестидесяти, а утром можно было дать все сто.

– Ты веришь в любовь, Сандра? – внезапно спрашивает Юдит, не открывая глаз.

– Нет, – быстро отвечаю я, хотя во рту тут же чуть не пересыхает. – То есть вы что имеете в виду?

– Ты веришь, что есть такое чувство, которое сильнее всех других? – поясняет Юдит, подчеркивая каждое слово.

Я надкусываю пирожное, делаю глоток чаю, а Юдит Кляйн все сидит с закрытыми глазами и ждет ответа.

– Любовь – это просто слово, вот и все. Самое затасканное и самое лживое слово в мире. Почему мы все время делаем вид, что устроены сложнее, чем животные?

Наверное, я продолжила бы рассуждать, если бы Юдит не перебила с довольным смехом:

– А что ты знаешь о животных? Какие у них представления о жизни?

– А им плевать на представления. Они просто спариваются, вот им и хорошо.

– Это тебя в школе такому научили?

– Ну, некоторые живут вместе всю жизнь.

– Ты сейчас о животных?

Я киваю. Мне как-то спокойно сидеть тут и болтать со старушкой, у которой за плечами такая длинная жизнь. На улице мельтешат и суетятся люди, а мы сидим, защищенные стеклом, как броней.

– У некоторых животных самцы носятся от гнезда к гнезду и ловят момент. И самок это устраивает, они пускают к себе чужаков на пять минут перепихнуться. А самцов потом ищи-свищи. Ни слуху ни духу.

– А ты такого хочешь, Сандра? Чужака, от которого потом ни слуху ни духу?

Я пожимаю плечами, глядя в окно.

– Ох, чему вас только теперь не учат.

– А вас что, ничему не учили?

– Как же, учили. Что Бог есть любовь и что люди стали плодиться и размножаться по его воле.

– Плодиться и размножаться?

– Да, производить потомство.

– Похабно как-то: плодиться и размножаться. Так что, и в Библии написано?

– Не знаю, я своими глазами этих слов не видела.

Юдит откусывает от пирожного и медленно жует.

– Значит, ты не веришь, что люди могут жить в любви целую жизнь?

– Лучше вы ответьте. Это вы жизнь прожили.

Юдит молча крутит в руках десертную ложечку, как будто ей вдруг ужасно захотелось разглядеть гравировку. Я могла бы сказать, что любовь есть, но

живет недолго. Одну дождливую ночь.

– Восхитительный ванильный крем! Барышня, принесите нам еще по пирожному, будьте так любезны. А что, твоя мама не рассказывала о любви? Как все мамы?

– У меня мама приемная. С девяти лет.

– А она одинокая, твоя приемная мама?

Я киваю и отхлебываю чаю – глоток за глотком, чтобы рот был занят. И зачем я только стала рассказывать. Сейчас начнется допрос, и она выудит из меня все до конца. Старухи – те же вампирши, не видать мне теперь покоя.

Но Юдит больше ничего не спрашивает. Смотрит на официантку, как будто ничего, кроме ванильных пирожных, ее не интересует. Вот и отлично – может быть, у нее провалы в памяти от старости, и она уже забыла, о чем спрашивала.

Приносят пирожные, одно из которых предназначается мне.

– Если не доешь, возьмем с собой, – шепчет Юдит, как будто замышляет преступление. – Сколько тебе лет, Сандра?

– Называйте меня Эс. Ненавижу имя Сандра.

– Эс? Это что, имя?

– Ну, можно писать с двумя «с» – Эсс.

– А когда у тебя плохое настроение, то с одной? Эс?

– Когда у меня плохое настроение, то имя вообще не нужно.

18. Смертельный яд

Обратно мы едем на автобусе. Юдит Кляйн сидит, снова погрузившись в себя, прикрыв глаза и чуть раздвинув тонкие губы. Можно подумать, что она спит – хотя автобус полон народу. Осторожно положив руку, испещренную голубыми венами, на мою, она шепчет:

– Если любовь есть, то это смертельный яд. Если другой человек может проникнуть внутрь тебя и остаться там, а ты не в силах его выгнать.

Я искоса разглядываю ее худую шею, торчащую из ворота пальто, и коричневый берет, из-под которого выбиваются завитки белых волос.

– Пора возвращаться к этим занудным бабкам, – бормочет Юдит, как только мы входим в дом престарелых. Прислонившись к двери лифта, она смотрится древней старухой.

Позже, засунув руку в карман, я обнаруживаю внутри что-то мягкое и липкое. Это половинка ванильного пирожного из кондитерской, завернутого в салфетку.

19. Жалюзи

Я иду к дому через парк, и пакеты с продуктами, которые я несу в руках, бьют по ногам. Может быть, если заполнить шкафы банками фасоли в томатном соусе, коробками спагетти и бутылками кетчупа, в квартире станет уютнее. Надо как-то бороться с пустотой. Надо занять пространство едой и рулонами туалетной бумаги, тюбиками зубной пасты и газетами.

Дом светится, как фонарь: на лесах полно рабочих в комбинезонах и строительных прожекторов. Провода извиваются, как змеи, радио голосит в темноте. Четыре парня колошматят по фасаду инструментами, откалывая огромные куски штукатурки.

– Дом-то что, сносят? Хоть бы сказали! – сердито кричу я.

Парень с жидкой бородкой, в синей спецодежде пожимает плечами:

– I don’t understand.

– I live here!

– We shall make reparations. But we thought that all the people had moved away, – смеется он. Вот нахал!

– Not me.

– Okay. We shall try to warn you if it’s falling down. The house I mean[3 - Не понимаю. – Я тут живу! – Мы делаем ремонт. Мы думали, все отсюда переехали. – А я нет. – Ладно, мы постараемся тебя предупредить, если дом будет разваливаться. – Англ.].

Я вхожу в подъезд; такое чувство, что дом вот-вот рухнет. Так вот почему мне досталась эта квартира. Все жильцы переехали, им дали временное жилье. Я одна буду тут куковать, пока дом не развалится.

В кухонном окне маячат рабочие. Когда я сливаю воду из кастрюли со спагетти, тот, с жидкой бородкой, машет мне и ждет, улыбаясь и засунув руки в карманы. Я подхожу к окну и смотрю на него. Парень жестом просит открыть окно. Я приотворяю раму.

– I just wanted to tell you that you have to say if we are disturbing you too much!

Он говорит по-английски, как русский бандит из кино. И пусть не морочит мне голову – как будто если я попрошу не мешать, они пойдут ломать другой дом!

– Well, someone pays you to work here, on this house, right?

– Right. My name is Marek. From Krakow, – он улыбается и, кажется, не спешит возвращаться к работе.

– And I’m Sandra. Where’s Krakow?

– In Poland. We are all from Poland.

– Okay. I see[4 - Ты скажи, если мы будем мешать. – Ну, вам ведь платят за ремонт этого дома, так? – Так. Меня зовут Марек. Я из Кракова. – А я Сандра. Краков – это где? – В Польше. Мы все из Польши. – Понятно. – Англ.].

Мне хочется закрыть окно. Парень стоит так близко, в полуметре от меня. Я киваю, давая понять, что разговор окончен, и закрываю окно. Немного поколебавшись, опускаю и жалюзи. Потом стою и гадаю, ушел он или нет. Наконец приподнимаю жалюзи и выглядываю: он повернулся ко мне спиной и шагает к своим приятелям. Двигается так ловко, как будто всю жизнь только и делал, что лазал по строительным лесам. Мелкие уверенные шаги, полный контроль над телом. Я опускаю жалюзи и возвращаюсь к кастрюле со спагетти.

Работают они до половины одиннадцатого. Я включаю телевизор, но картинка дрожит и плывет. Тогда я раздеваюсь, забираюсь в постель и довольно быстро засыпаю, несмотря на шум. Проснувшись от тишины, встаю и подхожу к окну, чтобы приподнять жалюзи: те четверо рабочих складывают инструменты в старый микроавтобус возле дома, смеясь и толкаясь, как дети. Тот, которого зовут Марек, вдруг срывается с места и бежит к лесам. Остальные кричат ему вслед. Схватив какую-то забытую вещь, он возвращается к своим приятелям. Микроавтобус стартует с таким ревом, как будто мотор вот-вот взорвется.

На улице становится совсем пусто. Я дрожу в ночной сорочке. Даже не знала, что в большом городе может быть так тихо. Этот дом и весь этот район совсем не похожи на Стокгольм, каким я его представляла. Они будто из другого времени. Кто знает, может быть, одним прекрасным утром я проснусь в груде кирпичей. Я так крепко сплю, что все может случиться.

Над парком поднимается почти полная луна. Под деревом остановилась пара, мужчина и женщина. Когда они целуются, у меня кружится голова и перед глазами все плывет, как в тумане. Почему обязательно у меня под окном? Пол качается под ногами, как палуба корабля.

Лежу в постели, а внутри будто ножом режет и колет. В комнате темно. Я лежу, обхватив себя руками. Не особо приятно – мои руки не похожи на руки Себа, да и неудобно. Провожу ладонью по животу, глажу нежную кожу.

20. Ночь, 3:43

Я в цирке, под самым куполом из синего брезента. Я вишу вниз головой, согнув ноги в коленях. Юбка свисает на лицо, так что перед глазами у меня только красная ткань, которая лезет в рот и в нос, мешая дышать. Я на секунду расцепляю пальцы, чтобы поправить юбку, но она снова падает, лезет в рот. Меня тошнит. И тут я вдруг понимаю, чему аплодирует и смеется публика. Холодно между ног, мерзнут бедра, меня знобит: я голая.

Проснувшись, я обнаруживаю, что совсем запуталась в пододеяльнике, влажном от пота. На часах три сорок три. Я встаю и приподнимаю жалюзи. Луны больше не видно, рабочих на лесах тоже.

21. Вечер

– Не иди у нее на поводу! Иногда она вызывает персонал, только чтобы поболтать, когда ей одиноко.

Я в недоумении: разве мы не должны разговаривать с подопечными? Разве не нужен любому человеку собеседник, готовый выслушать?

– Дел у нас очень много, – поясняет Мари, бросив на меня холодный взгляд. – Ты нужна не только Юдит Кляйн. Замечательно, что у вас хорошие отношения, но не позволяй ей думать, что ты полностью в ее распоряжении.

Поэтому я не приближаюсь к комнате номер пять до самого вечера.

Юдит лежит на спине, укрыв ноги пледом, и слушает, как мужской голос торжественно читает какой-то текст. Я уже собираюсь выйти и прикрыть дверь, как она вдруг открывает глаза и выключает радио.

– Некоторые писатели смотрят на людей, как на чучела животных в музее.

– Может быть, когда-нибудь так и будет. Чучела людей в музее.

Юдит смеется, как будто я пошутила, а потом показывает мне фотографию в рамке, которая стоит на тумбочке.

– Кто это, по-твоему?

– Ваш муж. Он умер?

– А что, это заметно? – Юдит внимательно изучает фото. – Что он умер?

– Я просто подумала. Вам его не хватает?

– Не сказала бы. Мы друг другу только мешали. А еще у нас родились два сына. Близнецы.

– Поздравляю… с опозданием, конечно.

Юдит снова смеется и показывает мне еще один снимок: два пухлых малыша в вязаных одежках.

– Хорошенькие?

Я вежливо киваю. Хотя на самом деле меня поражает ее бесцветный, какой-то пустой голос.

В тот же вечер сыновья навещают Юдит. Двое упитанных мужчин средних лет входят, помахивая одинаковыми букетами и одинаково улыбаясь.

– В коридоре не было ваз, мама.

– Поздоровайтесь с Эс, мальчики!

У них потные ладони и одинаковые рукопожатия. Как будто поздоровалась дважды с одним человеком.

– Роберт и Харри, – объявляет Юдит. – К сожалению, оба женаты, – добавляет она с ироничной улыбкой, которая уже начинает мне нравиться.

Я выхожу в коридор и, отыскав две вазы, прошу коллегу отнести их к Юдит. Не хочу больше встречаться с ее «мальчиками».

22. Поздний вечер

В нашем отделении не хватало персонала, и я согласилась остаться на ночную смену. Мари сказала, что ночью обычно спокойно. Надо просто следить за тем, чтобы все лежали в своих кроватях. А когда все примут снотворное, я тоже могу поспать. Если что-то случится, надо позвонить главному дежурному, вот и все.

Я обхожу все комнаты и желаю спокойной ночи, как меня научила Мари. В комнате Агнес я задерживаюсь на минуту, присев на край кровати. Она плачет: ее сын переезжает в Америку.

– Там ведь все время стреляют, а я даже помочь не смогу, случись что. Я и не узнаю ничего, ведь Америка так далеко!

– Но ведь есть телефон, – утешаю я. – И еще он будет слать письма.

– Письма! – восклицает Агнес, ударяя себя кулаком в грудь, да так сильно, что заходится кашлем. – Да его сто раз пристрелят, пока письмо дойдет до Швеции!

Она лежит, злобно уставившись на меня, как на полную идиотку.

Мысленно махнув на нее рукой, я спрашиваю, не нужно ли ей чего-нибудь, а то мне пора идти.

– Мне нужен мой сын, – всхлипывает она, прячась с головой под одеялом, как упрямый ребенок. – Ничего не нужно, только мой сын.

Мари сказала, что Вернера надо перед сном отвести в туалет, но когда я вхожу в его комнату, он уже почти спит. Вставать он не желает и от подгузника отказывается: мол, тогда он чувствует себя, как женщина, у которой месячные.

– Ладно, – я гашу свет. – Делайте что угодно.

– Я уже двадцать лет не делаю того, что мне угодно, а сегодня вдруг можно?

– Спокойной ночи, Вернер.

Он мне нравится. В нем есть то, чего не хватает мне: самоуважение.

Вере нужно помочь подняться с постели. Пока она натягивает халат и сует ноги в тапки, проходит чуть ли не час. Она боится сквозняка, но еще больше ее пугает перспектива пожара. А вдруг, пока она спит, дом загорится? Эта церемония повторяется каждый вечер: Вера должна проверить пожарную сигнализацию. И каждый вечер она ложится спать, заявляя, что нас всех водят за нос:

– Приборчики-то игрушечные, в них даже батареек нет!

– Конечно, есть, Вера, – успокаиваю я.

– Не спорь, девочка! Я знаю, они на всем экономят.

– Это вам кажется.

– А лучшая экономия – это если мы все тут сгорим заживо.

Я ставлю стремянку возле пожарного извещателя рядом с лифтом – придется показать ей, как работает сигнализация. Забравшись наверх, нажимаю на кнопку, и извещатель пищит. Вера чуть не падает от неожиданности.

– Вот, смотрите: тут мигает, тут пищит. Там есть батаре…

Тут мой наглядный урок прерывает перепуганная Агнес:

– Всех эвакуировать, пожар!! – вопит она, выбежав в коридор.

Не проходит и минуты, как коридор оказывается заполнен стариками в ночных рубашках и пижамах – все они уверены, что вот-вот сгорят заживо. Мне приходится немало потрудиться, чтобы загнать их обратно и объяснить, что тревога была ложной.

Юдит лежит в постели и смотрит в потолок. Я желаю спокойной ночи, но она не отвечает. Она единственная не выскочила из комнаты на звук сигнализации.

23. Долгая бессонная ночь

Я сижу на своем посту в стеклянной будке и рисую человечков тупым карандашом, время от времени бросая взгляд на опустевший коридор. Мне нравится рисовать лица. Иногда они выходят похожими на знакомых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/kanni-meller/ballada-o-sandre-es-2/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Nick Cave “Murder Ballads”. – Примеч. перев.

2

День независимости. – Англ.

3

Не понимаю. – Я тут живу! – Мы делаем ремонт. Мы думали, все отсюда переехали. – А я нет. – Ладно, мы постараемся тебя предупредить, если дом будет разваливаться. – Англ.

4

Ты скажи, если мы будем мешать. – Ну, вам ведь платят за ремонт этого дома, так? – Так. Меня зовут Марек. Я из Кракова. – А я Сандра. Краков – это где? – В Польше. Мы все из Польши. – Понятно. – Англ.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kanni-myoller/ballada-o-sandre-es-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить